

Есть мозги живых людей не хорошо! Я по-прежнему в этом уверен. По крайней мере, с точки зрения общественной морали месячной давности. Нет, у себя дома, занимайтесь, чем хотите, но в общественном месте... хотя ночной двор моего дома уже трудно назвать общественным.

Конечно, если такова жизненная необходимость, я понимаю. Но зачем пытаться съесть мозг человека, пока он ещё жив?! Это же за грань добра и зла! Он же так кричит, что спать невозможно.

Ну ладно, я всё равно хотел выйти в аптеку, а в большинстве других квартир живут нелегальные эмигранты, которые у себя дома и не к такому привыкли.

Выхожу из квартиры, прихватив с кухни цельнометаллический топор для разделки мяса. Добрым словом и топором можно добиться куда большего, чем тем же, но без топора.

Нет, эти крики, по-любому привлекут тех, внимания которых стараются избегать даже на всю голову от мороженые сектанты Бездны. Толпу равнодушных граждан с вилами и активной жизненной позицией.

Именно это я и попытался объяснить двум фривольно одетым девицам, прижавших своего неудачливого клиента к земле и неумело пытающихся прокусить ему голову с двух сторон.

Они даже не додумались, что кости человеческого черепа гораздо крепче человеческих зубов! Особенно там, где они защищают мозг. Особенно, если это зубы людей из социального слоя, в котором не слишком заботятся о социальной ответственности и сбалансированном питании.

То, что дамочки, вообразившие себя на вершине пищевой цепочки, не привыкли пользоваться даже своим мозгом, а уже раззявили рот на чужой, я понял сразу.

По уму, они должны были взять молотки... ну, или хотя бы булыжники из мостовой и перебить жертве суставы рук и ног. А потом, зафиксировав тело, например, сев на него, делать ему трепанацию с использованием тех же подручных инструментов. Раз уж им так приспичило полакомиться живым мозгом. Хотя, для первого раза было бы проще сначала прокусить горло жертве, а потом уже добывать её мозг. Пока тело не остыло.

Нет, подобного опыта у меня нет. Зато есть живое воображение и несколько рассказов, написанных в жанре тёмного фэнтези.

Тем временем, мужик, схватил обеих девиц за волосы и пытался оторвать им головы. И ведь у него были все шансы на это. Во-первых, он весил в два раза больше обеих нападающих вместе взятых. А во-вторых, на начальной стадии конъюнктивита, мышцы больных слабы, кости хрупки, а хрящи вообще держат суставы на честном слове.

Не, не оторвёт. Он ослабел от страха. Странно. Я думал, прилив адреналина в таком случае

поможет справиться с десятком ослабленных голодом больных.

Я уверен, что этот ужас перед слабыми, в общем-то, больными людьми есть не что иное, как выработанный нашими СМИ условный рефлекс.

В последние дни все программы, что ловил мой домашний трёхканальный радиоприёмник, освещали только ситуацию с пандемией конъюнктивита.

Они постоянно расширяли коллективному сознанию горожан очко Оверона, рассказывая, что единственным средством оттянуть знакомство с землёй для заразившихся служат мозги здоровых людей. И пока они их едят, всё у них будет в порядке. А учитывая, что закон о самоизоляции привёл к тому, что постоянными слушателями радио стали практически все граждане Содружества Независимых Городов...

Конечно, говорилось это не так, а совсем наоборот, приводя факты зверских массовых убийств, совершённых заражёнными конъюнктивитом людьми. Но вывод, который сделал каждый, кто однажды утром увидел в зеркале свои покрасневшие глаза, был именно таким.

Я сужу по себе. После недели самоизоляции в квартире, у меня проявились-таки симптомы — красные глаза, холодная кожа, отсутствие пульса. И сильный голод, который не получалось утолить обычной пищей.

Но какой бы голод я не испытывал, каким бы холодом не скручивало мои внутренности, мне никогда и в голову бы не пришло, что нужно пойти, проломить кому-то голову и съесть его мозг. Но, коли уж мозгоедство сделали частью нашей медийной культуры...

Нет, у этих девиц явно нет мозгов. Они теперь все трое орут!

Подхожу ближе и дважды махаю топором, целясь в макушки визжащих в истерике путан.

Журналисты не соврали. Болезнь явно селится в мозгу, так как стоит его повредить, тело заражённого сразу умирает. А, если верить неким приглашённым на радио экспертам неизвестно чего, то любое ранение в тело будет проигнорировано. Болезнь даёт нам полную нечувствительность к боли. Но проверять не хочется.

Кстати, о боли. Мужик то всё орёт. А ведь он уже по-любому инфицирован. Во всех передачах упоминалось, что конъюнктивит передаётся через укусы заражённых. Но если он чувствует боль, значит, зараза ещё не дошла до мозга или до чего там она должна дойти? Не важно. Его мозг в идеальном состоянии, а ему он всё равно больше не понадобится.

Жду, пока он, медленно поднимаясь, встанет на колени, размазывая по лицу кровь и сопли.

А ведь я его знаю. В нашем, заполненном нелегалами квартале такие люди на виду. Коллектор

из конторы «Деньги даром». Всё, моя совесть, широко улыбаясь, даёт добро, всем своим видом намекая, что не против небольших пыток или просто мучительной смерти. Хорошо, когда мы едины во мнениях, но некогда. Размахиваюсь от всей души, и лезвие топора входит в бычью шею.

С первого раза отрубить голову не получается. Да и не очень-то и хотелось. Захлёбываясь кровью, он падает, а я продолжаю наносить удары в шею.

После шестого удара, голова отделяется, а передо мной встаёт вопрос. А как теперь достать из неё мозг? Разумней было бы вскрыть череп, не отделяя голову от тела, а теперь... из-за соседних домов слышится топот. Нет, я всё правильно сделал. Хватаю бритую башку за маленькую косичку на затылке (хоть одно он хорошее дело сделал при жизни, позаботился об удобстве переноски своего мозга) и на максимальной скорости сваливаю в противоположную от топота сторону.

Тёмные же люди живут в нашем городе! Сказано же — соблюдать карантин. И больше трёх не собираться! А за мной уже целая толпа с факелами гонится.

Я же просто шёл в аптеку за альбуцидом! Специально ночью собрался, чтобы никого своими глазами не раздражать. Хорошо хоть, что один из побочных эффектов этой болезни — полное отсутствие страха. Хотя, заменяющий его голод, ещё хуже.

Выбегаю из дворов на проспект и сворачиваю к городскому кладбищу. Есть вероятность, что преследовать меня там ночью желающих будет мало.

Так и есть. Остановились у забора. Я проник на территорию сквозь известную мне щель между прутьев. Её сделали курьеры, заполняющие тайники с наркотиками на могилах.

Я-то ходил ночью на кладбище исключительно в поисках вдохновения. В свете установленных вдоль аллей кладбищенских фонариков у меня особенно хорошо придумывались сюжеты новых рассказов. Ну, а ещё потому, что бесплатных парков в черте города не было. Правда, приходилось носить с собой топор, но, как говорил мне здравый смысл — если ты ходишь с топором, и никто на тебя не нападает, это не значит, что ты носишь его напрасно.

Думаю, наркотики тут больше никто не прячет. Да и я перестал сюда ходить с тех пор, как на перекрёстке главных кладбищенских алей кто-то выложил инсталляцию в виде пятилучевой спирали из двух десятков расчленённых наркоманов.

Просто, когда вокруг такое творится, истории в стиле тёмного фэнтези не слишком востребованы обществом.

Я уже почти нашёл подходящее надгробие, на котором мог бы провести трепанацию, как вдруг увидел маленькую девочку в белом платье с длинными белыми волосами. Она стояла ко мне спиной и смотрела на полную красную луну на чёрном небе.

Интуиция, подсознание и знание сценарных шаблонов просто взвыли в унисон в глубине моего поражённого вирусом мозга, хором призывая разворачиваться и уносить ноги. Пусть даже в сторону погони. Потому что толпа с вилами и факелами, это простые и милые в своей предсказуемой недалёкости люди.

А маленькая девочка на ночном кладбище, где недавно произошло массовое убийство с элементами культа Бездны, это очень, очень нехороший (для главного героя) сюжет. А если персонаж второстепенный или вообще проходной, то тут ему и будет полный конец. Возможно, с элементами каннибализма, вампиризма, садизма, сексизма и прочих нехороших измов.

С другой стороны, если бы этот сюжет писал я, то главный герой отличался бы от других персонажей только более затяжной агонией.

Начинаю пятиться назад, но, естественно, не успеваю. Девочка поворачивается и недоумённо смотрит на меня, топор и отрубленную голову. Нужно быстро сломать шаблон, по которому я сейчас встречаюсь с хтоническим злом!

— Это тебе! — быстро говорю я и кидаю голову ей в руки. Успеваю увидеть, что девочка легко ловит её, поворачиваюсь и быстрым шагом спешащего по важным делам человека, удаляюсь туда, откуда пришёл.

Вижу свет примерно сотни факелов. Преследователей явно стало больше, и они рискнули пойти на кладбище. Что ж им не живётся без приключений?

Поворачиваю налево и вбегаю в приоткрытую дверь первого попавшегося склепа.

Что я там говорил о невосприимчивости к страху? Ну, сердце не бьётся, так что страхом это назвать нельзя. Скорее разумной осторожностью. Я ведь пока разумен. Хотя, если верить экспертам на радио, ненадолго. Если не найду кем перекусить. Кстати об этом.

Слышу крики накручивающей себя толпы. Представляю себе идущую к ним навстречу девочку, держащую одной рукой подаренную голову со снятой макушкой. Второй рукой она скучающе зачерпывает из неё содержимое и задумчиво дегустирует, облизывая пальцы.

Нет, с голодом нужно что-то делать, от представленной картины у меня чуть слюни не потекли.

Снаружи резко наступила тишина.

Ха, а кто говорил, что интеллект толпы равен самому глупому её члену? Если это и так, то самый тупой, кому хватило ума здесь оказаться, горожанин, умнее всех наших чиновников вместе взятых!

В склепе темно, но того минимума света факелов и луны, что проникает сквозь чуть

прикрытую дверь хватает чтобы осмотреться. Закрывать дверь явно не стоит. Судя по её внешнему виду, едва я решу закрыть ту щель, сквозь которую пролез внутрь, всё кладбище огласит визг заржавевших петель.

Только сейчас обращаю внимание, что болезнь наградила меня почти абсолютным ночным зрением. Но смотреть тут особо не на что. Обычный саркофаг с торчащим из крышки довольно большим колом.

Для своих произведений, я довольно хорошо изучил множество древних текстов. В старые времена, над мёртвыми проводилось множество религиозных ритуалов светлой магии. Но после запрета на любое проявление магии, отпевание покойников заменили на вбиваемый им в сердце кол.

Что интересно, даже самые радикальные атеисты (хоть религия атеизма и давно отделена от всех городов-государств, но в тоже время, является их главной государственной религией) не возражали, чтобы их хоронили таким образом. Ибо будь ты хоть абсолютный материалист, но после смерти доказывать Бездне, что её не существует, несколько сложновато. И так рисковать, чтобы пофорсить нетрадиционным погребением, желающих не находилось.

Для форса богатые просто заказывали себе колья большего размера. На кладбище размер кола покойника можно легко определить по высоте крыши его усыпальницы. Да ещё и чиновники из министерства загробной безопасности убедили их, что посеребрённый кол лучше удержит их в могиле «в сами знаете какой День». А с позолочённым колом этот День вообще, можно не заметить.

Как это сочеталось с государственной политикой атеизма, лучше не спрашивать. Как и о многом другом.

Во время самоизоляции дома, я неожиданно пришёл к выводу, что живу в очень странном мире. Например, если официально заявить, что пишешь тёмное фэнтези, то можно описывать реальность со всеми её непризнанными и запрещёнными темами.

А чтобы писать в стиле реализма, но так, чтобы тебя потом опубликовали, необходимо вводить фэнтезийные элементы. Называть нелегальных мигрантов из разрушенных городов орками, а тех чиновников, открывающих в своих городах порталы в Бездну, персонажами с неоднозначной моралью.

Писать о загробной жизни вообще нельзя. И не потому, что не напечатают, а просто на эту тему люди давно привыкли не думать. Жизнь и так не легка. А если напомнить, что они сами лишают себя, хоть маленького, но шанса на посмертие? Причём по своему собственному выбору.

Вернее, по выбору наших предков, но каждый из нас всегда его подтверждает. Когда Тёмный Трубач возвестил День Страшного Суда, наши предки отказались на него прийти. Ну, Красная Империя, каждый второй гражданин — чернокнижник, некромант или шахматист...

Естественно, придумали, как защититься. Заключили контракт с тварями Бездны. Которых тут же попытались кинуть. В итоге, получилось, как получилось.

Но ведь любой может отказаться от помощи Бездны и после смерти отправиться на Суд. Там, правда, скорее всего его, ждут вечные муки, но это не точно. А здесь всё предсказуемо. Живёшь, умираешь. Если тебе забили кол, лежишь, кормишь червей. Если с колом не сложилось (не нашли вовремя труп или в то, что нашли забить кол некуда), отправляешься в Бездну. Там висишь в тёмной пустоте, пока её обитатели не проголодаются. А они всегда голодны.

Но даже намекнуть о подобном нельзя. Читатели любят рассказы, где смерть, это окончательный и бесповоротный конец. Но, не совершая сознательного выбора, мы подтверждаем выбор, сделанный за нас.

Пора и мне выбрать, что делать дальше.

Странная тишина. Но это значит, что все мои преследователи мертвы. Возможно, сейчас из их тел выкладывают новую инсталляцию.

Думать об этом не хотелось, ибо я и так знал, что за этим последует. А потому перенаправил своё воображение на решение загадки маленькой девочки.

Предположим, — думал я, присев на саркофаг и прислонившись спиной к морённому дубовому колу, — всё началось с того, что руководство нашей фармацевтической корпорации решило заработать больше денег.

В подземной лаборатории, находящейся под элитным борделем в центре города (по слухам под ним прорыты подземные ходы до всех правительственных учреждений), они создали вирус, вызывающий конъюнктивит.

Параллельно запустив рекламную кампанию альбуцида, как единственной глазной вакцины.

Всё остальное сделали охотящиеся за сенсациями журналисты и глупость чиновников, затребовавших себе слишком большие откаты от разрешения на торговлю альбуцидом везде, кроме нескольких лицензированных аптек.

От распространения инфекции больше всего пострадала, разумеется, наркомафия. Вирус легче всего поражал истощённых наркоманов, после чего они теряли интерес к наркотикам.

Мафия быстро выяснила расположение тайной лаборатории и отправила туда отряд зачистки. Он быстро договорился с немногочисленной охраной борделя и проник внутрь. А там их ждали заразившиеся своим вирусом фармацевты, которые тихо ели поставляемых им борделем проституток. Радио у них под землёй не ловилось, газеты им не доставляли, разумеется, они не

знали, что для утоления голода достаточно съесть один мозг.

Потом началось. Фонтаны крови, кишки на стенах и в итоге облитые керосином расчленённые каннибалы... Поскольку болезнь лишила их чувства страха, прорыва Бездны не случилось. А проститутки они ели по одной в день, предварительно накачав наркотиками. Так там тоже всё было в порядке.

Но прежде чем киллеры успели всё сжечь, они наткнулись на нулевого пациента. Девочку, на которой там ставили опыты, проверяя какой штамп вируса наиболее опасен. Разумеется, её перекупили у борделя, куда её отдали за долги родители.

Но к тому времени, боевики успели заразиться, и им было на неё пофиг. В итоге подопытная пошла с ними, а бойцы наркокартеля, подожгли лабораторию (ибо профи!) и отправились на поиск мозгов. Они-то читали газеты и знали, что нужно делать, если заразишься.

Отряд отправился в одно из мест, где всегда много наркоманов. На наше кладбище. Там они провели профессиональную зачистку, лишив своих жертв всех конечностей, чтобы без проблем полакомиться их мозгами.

Вот только эти больные атеисты не учли, что такая единовременная мучительная смерть большого количества людей, испытывающих перед смертью жуткий ужас, просто обязана открыть проход в окружающую наш мир Бездну.

Да, проход оказался не большой, поэтому сквозь него пробралась не очень большая тварь. Такая, что ей как раз подошёл размер тела маленькой девочки. Логично, что потом тварь сделал с убийцами то же самое, что они со своими жертвами. Она же просмотрела последние воспоминания своего нового тела и решила, что таким образом тут обедают.

Ну а то, что потом она сложила из всех частей тел какую-то потустороннюю фигню, то, наверно, просто помечала место прорыва. Наверняка в этом месте ткань реальности ещё долгое время будет более тонкая.

И если сейчас она в том же месте занята тем же самым...

Я должен это увидеть. Если я прав, то такой сюжет вполне может побороться за главный приз в городском конкурсе тёмного фэнтези.

Выхожу из склепа, осматриваюсь. На предполагаемом месте встречи меньшего и большего зла ничего нет. Зато что-то происходит в центре кладбища. Если это то, о чём я думаю, бежать в аптеку уже поздно.

В этот раз была не многохвостая спираль, а трёхступенчатый хоровод. Тела никто не кромсал, но и жизни в них особо не наблюдалось. Если не считать жизнью застывшее на лицах

выражение ужаса и кровавые дорожки слёз из глаз.

Несмотря на явную марионеточность движений, они водили аж три хоровода. Два в противоположных направлениях друг другу, а внутренний... ну там они просто раскачивались, взявшись за руки, не отрываясь, смотря в центр, где ширилась щель разорванного по трём измерениям пространства.

По тому, как замедлялись два остальных хоровода, можно было понять, что пространственная дыра высасывала из них остатки жизненной энергии. Рядом с порталом стояла маленькая девочка и призывно махала рукой кому-то по ту сторону.

Вот из щели высунулось чёрное щупальце. Девчонка схватила его и начала тянуть на себя. Хороводы почти остановились. Щель расширилась, будто с той стороны протискивалось что-то большое. Но в следующий миг щупальце вырвалось из рук, и пропало в портале так, будто кто-то с той стороны резко оттащил его обладателя назад. А из портала вылетело сверкающее белым светом полутораметровое колесо с золотыми глазами по всему ободу.

Девчонка с визгом отпрыгнула на десяток метров назад, прямо через головы всех людей. Пространственный разрыв закрылся, а колесо, приняв горизонтальное положение, начало вращаться.

Люди первого хоровода начали смещаться вслед за его движением, причем, не двигая ногами. К ним вскоре присоединились второй и третий круги. Меня начало ощутимо затягивать к ним. Но зато я мог сам переставлять ноги, что доставляло мне некое удовлетворение. Я был даже благодарен своей болезни за отсутствие страха. А без него из меня плохой донор.

Хороводы крутились всё быстрее, пока люди, теряя ноги, руки и головы не слились в три кровавые полосы. Ещё миг и они объединились в одну, а потом вся выкаченная из их тел кровь устремилась внутрь кольца и в один миг пропала в нём. А хоровод из обескровленных частей тел взорвался. Куски плоти, которых ничто больше не держало, просто разметало вокруг инерционной силой. Но не хаотично.

Когда последние, самые маленькие куски тел заняли своё место в конце рисунка, на земле красовалась многолучевая спираль. А в её центре стоял человек в белых одеждах с узкой бронзовой трубой в руках. Она была настолько прямой и узкой, что её можно было бы назвать и флейтой, если бы не широкий раструб.

Сила, что затягивала меня внутрь, пропала, и я сам не заметил, как оказался внутри спирали, перед тёмным, несмотря на цвет одежды, трубачом.

Судя по взгляду сквозь меня, я его интересовал чуть меньше, чем пробегающий мимо по своим делам муравей. Да и позволившая ему сюда прийти сущность в теле девчонки его интересовала не больше. А может, он просто имел ограничение по времени пребывания в нашем мире и торопился. Или просто знал, что стоит ему задудеть и всё уже будет не важно.

Так или иначе, но он поднял к губам трубу, а я чисто на рефлекс, ударил по раструбу обухом топора. С глухим треском её мундштук пробил затылок и вышел с другой стороны головы незваного гостя.

С ещё более громким треском его рука пробила мне грудь и схватила за сердце. Ноги отрываются от земли. Кажется, сейчас я узнаю, могу ли жить без сердца.

Смотрю сверху на его лицо и смеюсь. Из рта глупо торчит раструб трубы. Лицо явно просит топора. Жаль, что я свой выронил.

По глазам вижу, моя реакция его удивила, но он так смешно таращился поверх своей трубы! Засмотревшись на мой смех, он похоже забыл, что собирался вырвать мне сердце. И тут к нашему веселью решили присоединиться. Девчонка запрыгнула трубачу на спину, схватила за уши и лёгким скручивающим движением рук, оторвала ему голову.

На секунду вверх ударил фонтан крови, но сразу же, втянулся обратно в шею, образовав на месте травматической ампутации головы ровную красную поверхность.

Это я видел уже в полёте — меня просто стряхнули с руки, как мешающую мошку. Затормозив спиной о ближайшее дерево, я повис на пронзившем меня суке. Мне повезло, он хоть и прошёл сквозь позвоночник, но вышел как раз из груди, так что лишних дырок не проделал.

Зато у меня место с исключительным обзором на битву двух монстров в белом. Отсюда отлично видно, что у получившейся спирали двенадцать хвостов. Не знаю, что это значит, но, похоже, второй пришелец более чем в два раза сильнее первого.

Между тем трубач, нисколько не смущаясь отсутствием головы, вырастил на спине два крыла из белых клинков, да так быстро, что девчонку спасло от расчленения только быстрое сальто назад.

Приземлившись на ноги, с головой неприятеля в руках, она посмотрела в мою сторону и со словами, — это тебе, — небрежно бросила её мне в руки.

Я поймал голову за два конца трубы. А она только скрипнула по бронзе зубами, как какой-то злой шашлык.

Похоже, моя история скоро закончится. И не только моя, даже без головы пришелец превосходил монстра Бездны во всём. Хоть девчонка и отрастила на руках две костяные косы, крылья, имеющие потрясающую подвижность, уверенно теснил малышку, за которую я теперь искренне болел.

А потом он придёт за своей головой. Мелькнула мысль напоследок, узнать вкус его мозгов, но потом вспомнилось древнее правило фэнтези. Если на тебя прёт неуязвимый враг, а у тебя в

руке кусок редкого вулканического стекла, то есть большая вероятность, что это стекло и есть уязвимость данного монстра.

Не, глупо надеяться, что труба поможет справиться со своим хозяином, но, иначе, зачем она ко мне попала? Если бы это был мой рассказ... почему-то мне в последнее время кажется, что я живу в мире, который сам же и придумал? Ну, сейчас и проверим. Если мы живём по сценарию (надеюсь, не по моему), должно получиться круто.

Подношу трубу к губам, дую в неё.

Ничего не происходит. Даже звука не издала.

Да, это как раз в моём вкусе. Дать надежду, а потом обломать героя со всеми читателями.

А они такого не любят. После прошлого раза я дал себе обещание больше уважать людей, пусть их литературный вкус излишне прост...

Тьфу ты, о чём я думаю? Я же не дышу!

Вернее, вспомнил я, видя, как крылья разрубает девчонку на четыре ассиметричных куса, — могу выдыхать воздух для разговора или, как те девицы, для крика.

Попробую ещё раз, но представив, что кричу.

БҮҮУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ

Никогда не имел музыкального слуха, но даже мне не понравилось.

А крылатому понравилось ещё меньше. Хотя чем он мог слышать, без ушей? Однако он замер в центре своего круга. А вот расходящиеся от него лучи спиралей из кусков тел внезапно зашевелились. Поднялись в воздух и начали липнуть друг к дружке.

Не прошло и минуты, как вокруг крылана стояла пропущенная им через выжимающую кровь центрифугу сотня живых людей. А то, что у них всех теперь красные глаза, так это такая мелочь!

От удивления я даже свалился с нанизавшего меня сука.

А, дыра в груди тоже заросла. И позвоночник, судя по тому, что я нормально стою, цел. Теперь можем все вместе пойти в аптеку!

Что-то наш крылатый друг плохо выглядит. Мало того, что без головы, так весь какой-то поблекший. Наверно, много энергии на бой потратил?

Народ вокруг него начал рассасываться.

Странно, я думал, они на него кинутся, а они... поднимают с травы свои брошенные неподалёку вилы? А потом возвращаются на место, окружая своего убийцу.

Ну, одного из убийц. Вторая-то уже мертва.

А, если они помнят, кто их убивал, то могу вспомнить и меня? Что-то я не уверен, что они поверят, что я всех их спас.

Начинаю по-тихому отступать. Когда позади раздался первый крик, переросший в многоголосый вопль атакующей толпы, побежал к выходу с кладбища.

Вдоль аллеи, по которой я перемещался, на могилах начали лопаться каменные плиты, а из-под них вылезать настоящие живые мертвецы. Они держали в руках колья, которые должны были удерживать их в земле, а по факту, послужили рычагами, чтобы разломать свои подземные усыпальницы.

Выбегать с кладбища с толпой оживших мертвецов за спиной не хотелось. Тем более, что нас теперь могли запросто перепутать. У них ведь тоже были красные глаза.

Пропустив мимо себя спешащего на волю покойника, я присел на его развороченную могилу, поставил рядом голову трубача и задумался.

На этом кладбище хоронили только состоятельных людей, а всех прочих, под городской стеной. Если они восстали и там, а у меня не было никаких причин думать, что этого не случилось... Я ни в одной рукописи не читал, что Конец Света может ограничиваться одним городским кварталом.

Так вот, если они восстали и там (про другие города я и думать не хотел), то живые уже оказались в меньшинстве.

Я вытащил из головы трубу и поставил рядом.

— Кажется, — сообщил я ей, — мне уже не нужно в аптеку.

Раздававшиеся в городе отдельные крики постепенно переходили в постоянно звучащий хор смертельного ужаса.

Голова фыркнула и закатила глаза вверх.

Я проследил её взгляд и увидел на фоне светлеющего неба сотни маленьких, но быстро расширяющихся чёрных дыр, сквозь которые на нас таращилась Бездна.

Согласно моему сценарию истории, на который я ссылался (но никогда прямо не описывал) в своих рассказах — наши предки спрятались от Страшного Суда в одном из миров Бездны. Но они сумели отгородиться от неё, отказавшись от магии. То есть они приняли официальной религией атеизм и жгли всех несогласных на площадях. Магия же без веры не работает...

И вскоре твари Бездны обнаружили, что не могу появиться там, где в них не верят. Исключением были места массовых убийств. Человек, охваченный ужасом, всё-таки начинает вспоминать о вере. А когда таких много, их энергии разблокированной магии хватало на прорыв сюда коллекторов Бездны.

Поэтому в нашем мире было два абсолютных табу. Нельзя совершать массовые убийства и нельзя вспоминать о живых мертвецах. Потому что все знали и это знание никак не получалось забыть — мертвые, встающие из могил это первый признак начала Страшного Суда.

Не то, чтобы последнее табу имело какой-то смысл, но для людей, опасности, о которой никто не говорит, вроде как не существует.

Но, теперь я вижу, что этот страх оказался пшиком.

Не будет никакого Суда. И этот дудочник пришёл сюда вовсе не за тем, чтобы вручить нам повестки. Ведь, как это мы уже демонстрировали, достаточно показать людям их главный страх, и они сами откроют двери Бездне.

Круги в небе расширились настолько, что объединились в одно чёрное Ничто. Из него на город начали опускаться тысячи чёрных щупалец. Они хватали людей и утаскивали в Бездну. А на место втянувшихся с добычей, приходили другие.

Красивый финал. Я такой бы и написал. Теперь остаётся проверить, являюсь ли я автором, случайно создавшим этот мир, или персонажем, которого автор привёл к гибели ради красивого конца.

В Бездне узнаю.

<http://tl.rulate.ru/book/28038/2917100>